

М.А. Дорожкина

**(Государственный университет просвещения,
Москва)**

**Между наукой и поэзией: неизвестное
литературное творчество академика А.И. Белецкого**

Статья посвящена неизвестному поэтическому творчеству академика А.И. Белецкого (1884-1961) – выдающегося литературоведа, чьи стихи оставались в тени его научных трудов. Рассматривается двойственность творческой идентичности Белецкого: с одной стороны – советский учёный, с другой – автор лирики, близкой к традициям Серебряного века. Исследование восстанавливает фрагмент истории интеллектуальной биографии, демонстрируя, как поэзия стала для Белецкого формой внутренней эмиграции.

На протяжении всей своей жизни А.И. Белецкий писал стихи, рассказы и повести, известные лишь узкому кругу друзей. Об этом факте сохранилось много свидетельств современников. Поэтические опыты Белецкого остаются практически неизвестными исследователям. По собственному признанию академика он начал писать «декадентские стихи» на школьной скамье, учась в харьковской гимназии. Близкими друзьями его в то время были Н.В. Недоброво и Б.В. Анреп. Сохранилось стихотворение Белецкого, адресованное Недоброву, написанное в 1904-1905 гг.:

Тебе – с которым я делился
Безумством грёзы молодой,
На чьём примере научился
Стихов чеканке дорогой
В те дни, когда мы посещали
Науки здешней грязный храм
И в библиОтеке искали
Забытых книг полезный хлам.

В конце 1907 года состоялся визит А.И. Белецкого и Н.В. Недоброво (который был знаком с Блоком по университету) к Блоку. Белецкий и

Недоброво оставили воспоминания об этой встрече. Блок похвалил стихи Белецкого.

15 декабря 2018 года в аукционном доме «Антиквариум» в Москве состоялись торги, на которых был продан лот «Белецкий, А.И. [автограф]. Рукописное собрание стихотворений и поэм. 1909-1944. – [1], 148, [14] с.; 24х18 см.» Тетрадь была из архива литературоведа М.М. Кралина (1948-2019), которому ее подарил сын А.И. Белецкого П.А. Белецкий. «Тетрадь представляет собой рукописную книгу в цельнотканевом переплете. Листы – бумага верже. Водяные знаки: герб и дата – 1910. Тексты произведений записаны рукой автора черными и синими чернилами. Некоторые содержат правку. В тетрадь вложены 11 л. разного формата – черновики стихотворений, наброски и заметки. Не публиковались. Потертости переплета. Расколы блока между форзацем и своб. л. форзаца и нахзацем и своб. л. нахзаца. Несколько первых и последних листов отходят от блока. Загрязнения отдельных страниц» (описание лота на сайте аукционного дома).

Но перед тем, как продать ее, М.М. Кралин на своей странице в соцсетях в ВК опубликовал небольшую подборку стихов А.И. Белецкого из этой тетради (14 декабря 2017 г.). «Наиболее откровенен Белецкий в большом стихотворном цикле, названном им "Лицом в угол"», – пишет М.М. Кралин, предваряя стихи. В предисловии к рукописной тетради стихов «Антология — для себя самого» Белецкий говорит: «Может быть, кроме меня, читателем этой тетради будет кто-нибудь из родных и любимых? Надеюсь, что, читая, он не унижится до роли литературного критика. Литературные несовершенства большей части вписанного в эту тетрадь вполне очевидны для меня самого: но ведь я никогда и не претендовал на звание профессионального литератора. Надеюсь, что эта тетрадь будет для того, близкого, только средством общения с отошедшей душой, которую он почувствует, несмотря на косноязычие, на убийственную банальность выражения – сквозь слова увидев того, кого, по существу, нужно уже не столько понять, сколько простить. Ибо именно в этом и заключается высокий долг живых по отношению к мертвым. Они, умершие, оправданы

смертью. Если чудом эта тетрадь уцелеет, невзирая на превратности времени и на упорное стремление Истории очистить свой путь от мусора веков, густо покрывшего нашу планету – и если она попадёт в чьи-либо милые руки, пусть они её сохраняют – не для "истории литературы" – а только на память о том, кто их любил, зная, что сам он в жизни не заслуживал чести быть кем-либо, кроме матери, любимым. 27 августа 1952». «Можно сказать, что А.И. Белецкому повезло. Пропали многие его ранние историко-литературные работы, но стихи уцелели. За это приношу глубокую благодарность сыну – Платону Александровичу Белецкому, дарившему меня своей дружбой. Стихи печатаются по автографам, с соблюдением авторской орфографии и пунктуации», – резюмирует Кралин. Тетрадь была продана на аукционе, ее местонахождение не известно.

Кралиным был опубликовано на своей странице в соцсети 10 стихотворений (Из цикла «Подражания древним» (Громче других Фаустин кричит на студенческих сходках...); «Перед юбилеем Пушкина 1949 года»; Из цикла «Лицом в угол» («Посланные Богом жечь и рушить...» (1919-1922); «На распутье люди замедлили...» (1920); «Веселая пора» (1921); «Теперь ты бесстыдный нищий...» (1922); «Душа, сомкни уста и стисни зубы...» (1922); «Д.К.» Кто бездумно так может смеяться... (1922); «Долго ль нам из звучащего теста...» (1922); «Поставьте, любезные, точку...» (1940-е гг.); 2 стихотворения на сайте антикварного дома приведены в аннотации («...Вот я снова на Курском вокзале...», (Москва, 1918); «Здесь был Олимп. Теперь трясина...», (Петербург. 1920. Лето); также сделаны три фотографии (обложка рукописной тетради и две страницы со стихами).

...Вот я снова на Курском вокзале

– Наяву или в грезах сна?

Вышел бодро – но мне сказали:

Тише, тише, Москва больна.

И в походке бледных прохожих,

В равнодушном взгляде окна,

В небесах, на бельма похожих,

Прочитал я: Москва больна.
Как же эту беду допустили?
Безответен был мой вопрос.
В мокром воздухе запах гнили,
И на площади брошенный воз.
Ах, кого-бы спросить? – да где тут!
Глянул: улицы все пусты.
Вдруг мальчишка сует газету,
С воплем вынырнув из темноты.
– Что же это на самом деле?
Сами-ль буквы сложились так:
«На Ивана Великого вздели
Нынче ночью дурацкий колпак».

1918

Здесь был Олимп. Теперь трясина.
По улицам поблеклым и пустым
Перед зарей, увидишь ты, Афина
Одна бредет, дрожа как легкий дым.
И на дворцы, где предки шумно жили,
Глядит, кривя усмешкою уста:
– Здесь мертвецы, ютятся в могильной пыли,
Тебе поют пэан, о Красота!
Земная мысль здесь правит пир голодный,
Как в черепе обглоданном червяк.
Беги, живой! Живым расскажешь, как
Меня почтили в Скифии свободной!
Как голова объятого заразой,
Чьи дни подспудным пламенем горят,
Так на краю Руси зеленоглазый,
Стекланноглазый замер Петроград.
Весной ли вест, или духом тленья
С небес, где иссякают облака?
Часов бесстрастных четкое биенье
В безлюдье жутком слушает река.

Холодные, в граните дышат воды,
И ветерок колышет кумачом,
Надгробием ненадобной свободы,
Где спящий млат с бездейственным серпом.
И к Северу, на полюс недалекий,
Как прежде, Царь десницею зовет.
Вот-вот крылом подвинет вихрь жестокий,
И город-mareво сорвется в лед.

Петербург. 1920. Лето.

Эти два стихотворения можно воспринимать как диптих. Это трагическое свидетельство о двух столицах России, охваченных революцией и Гражданской войной. Стихотворения рисуют гибель двух городов. Белецкий создает два портрета болезни и смерти. Москва 1918 года – это город, который «болен», он в лихорадке и хаосе. Петербург 1920 года – это уже не больной, а мертвый город, «Олимп», превратившийся в «трясину», труп. Два стихотворения показывают разные стадии агонии старого мира.

С первых же строк задается мотив раздвоения сознания: «Вот я снова на Курском вокзале / Наяву или в грезах сна?». Возвращение в знакомое место оборачивается столкновением с нереальным, кошмарным миром. Курский вокзал — ворота в новую, пугающую реальность. Фраза «Тише, тише, Москва больна» звучит как просьба в доме тяжелобольного. Это не физическая болезнь, а духовная, метафизическая. Симптомы болезни поэт видит во всем: в походке прохожих, в их бледности и страхе, в окнах домов равнодушных и очужденных, в пустых, невидящих, мутных небесах, которые похожи «на бельма». Город теряет зрение и душу. Атмосфера запустения и распада во всем: «В мокром воздухе запах гнили». Герой ощущает не просто физический запах, а запах разложения морали, устоев. На площади он видит «брошенный воз» — символ остановившейся жизни. Кульминацией хаоса становится газетный заголовок, который выкрикивает мальчишка: «На Ивана Великого вздели / Нынче ночью дурацкий колпак». «Дурацкий колпак» как глумление над святыней, торжество похабного над культурой и верой. Вопрос «Сами ль

буквы сложились так?», который задает себе герой, говорит о том, что абсурд достиг такого уровня, что реальность кажется типографской ошибкой или бредом больного.

Второе стихотворение, датированное 1920 годом и написанное летом в Петербурге становится осмыслением революционной катастрофы сквозь призму античного мифа. Пространство города предстает опустевшим: «Здесь был Олимп. Теперь трясина». Эта антитеза задает основной конфликт – между идеалом и топью небытия. Петроград – Олимп, где после гибели богов по «поблекшим и пустым» улицам бродит призрак Афины, богини мудрости и гармоничного устройства полиса. Ее дрожащий, «как легкий дым», образ – знак утраты культуры. Усмешка, с которой она взирает на дворцы, где «предки шумно жили», – ирония истории, когда величие обращается в прах.

Мотив смерти и тления пронизывает образную систему стихотворения. Мертвецы, ютящиеся «в могильной пыли» и поющие пэан Красоте, – пародия на античный гимн, превращенный в заупокойную песню. Кульминацией распада становится сравнение «земной мысли», правящей «пир голодный», с червем в «черепе обглоданном». Это сведения высших смыслов к почти трупному существованию. Крик отчаяния «Беги, живой!» – попытка сохранить свидетельство о случившемся за пределами этого гиблого места, названного с сарказмом «Скифией свободной». Скифский мотив здесь не столько географический, сколько метафизический – символ варварства, дикой воли, пришедшей на смену порядку и культуре.

Городское пространство уподобляется «голове объятого заразой», чьи дни «подспудным пламенем горят». Этот внутренний, тлеющий пожар – метафора революционного безумия, разрушающего город изнутри. Эпитеты «зеленоглазый» и «стеклянноглазый» по отношению к Петрограду создают образ мертвеца. Время в городе остановилось, его ритм передается лишь «бесстрастным биеньем» часов, которое в безлюдье слышит только река. Сама природа становится свидетелем и участником оцепенения: «холодные, в граните дышат воды». Революционная символика в стихотворении

представлена кумачом, серпом и молотом. Красный флаг осмысливается как «надгробие ненужной свободы», серп и молот («спящий молот с бездейственным серпом») – не выполняют своего прямого назначения. Символы революции превратились в погребальные атрибуты. Финал стихотворения возвращает нас к петербургскому мифу о Медном всаднике, но в апокалиптическом ключе. Царь-реформатор, некогда построивший город на болотистой, топкой местности, теперь «десницею зовет» его к Северу, на полюс, в ледяное небытие. Город-марево, город-мираж, созданный когда-то державной волей Петра, вот-вот будет сорван «вихрем жестоким» и низвергнут в лед. Таким образом, стихотворение становится реквиемом по Петербургу как феномену культуры, трагическим размышлением на тему гибели страны, где дух тления торжествует над жизнью.

Поэтическое творчество академика А.И. Белецкого предстает не просто эпизодом в биографии ученого, но ключом к пониманию его сложной творческой личности. Поэзия для Белецкого стала формой «внутренней эмиграции», «углом», где он мог спрятаться и быть собой, оставаясь в официальной науке лояльным советским академиком. Его тексты, вписанные в контекст Серебряного века, продолжающие традиции символистской и акмеистической образности, являются историческими свидетельствами эпохи. Судьба рукописной тетради Белецкого, сначала сохранившейся, потом проданной с аукциона и вновь канувшей в неизвестность, символична. Публикация этих текстов, пусть и фрагментарная, возвращает из небытия не просто стихи, а пласт интеллектуальной и эмоциональной жизни человека. Поэтический голос Александра Ивановича Белецкого, прозвучавший через десятилетия, заставляет пересмотреть устоявшиеся представления о нем как исключительно талантливом литературоведе, филологе-энциклопедисте, академике, авторе многочисленных трудов по истории античной, западноевропейской, русской литературе, но и открывает в нем поэта, чье творчество является частью русской литературы XX века.